

Практика рассмотрения споров, связанных с оспариванием сделок должника в рамках дела о банкротстве

Споры, связанные с оспариванием сделок должника, образуют одну из самых многочисленных групп споров, разрешаемых судами в рамках дел о несостоятельности (банкротстве).

В течение последних лет законодатель не вносил принципиальных изменений в главу III.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) «Оспаривание сделок должника», регулиующую правоотношения, составляющие предмет настоящего Обобщения, что свидетельствует о наличии на уровне высшей судебной инстанции сформированной практики разрешения многих проблемных вопросов, возникающих в ходе рассмотрения данной категории споров.

Несмотря на стабильность правового регулирования и устойчивость судебной практики в области оспаривания сделок должника, следует учитывать, что хозяйственным правоотношениям свойственна динамичность, что порождает постоянное возникновение новых ситуаций, пути разрешения которых на сегодняшний момент не предложены законодателем, что порождает различные подходы судов, входящих в один округ, к разрешению сходных вопросов.

Следует также учитывать постоянное усовершенствование недобросовестными участниками гражданского оборота схем вывода активов должника, с помощью которых устанавливаются различного рода препятствия для возвращения имущества должника в конкурсную массу с использованием предусмотренных законом способов защиты. Такие участники хозяйственных отношений стремятся придать своим противоправным действиям внешний вид правомерного отчуждения имущества посредством заключения гражданско-правовых сделок. Некоторые примеры будут рассмотрены в настоящем Обобщении.

Кроме того, необходимо обратить внимание на некоторые проблемные ситуации, носящие единичный характер, но имеющие важное практическое значение. Их игнорирование может привести к тому, что в дальнейшем они примут системный характер.

Представленное Обобщение призвано обозначить позицию Арбитражного суда Волго-Вятского округа по ряду спорных вопросов, а также отразить подходы Верховного Суда Российской Федерации, которые к настоящему моменту не в полной мере восприняты судебными инстанциями.

1. В отсутствие такого условия, как причинение в результате совершения сделки вреда имущественным правам кредиторов, наличие у должника признаков

неплатежеспособности (недостаточности имущества) и заинтересованность сторон сделки сами по себе не имеют правового значения, так как не являются самостоятельными основаниями для признания сделки недействительной в соответствии с пунктом 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

В рамках одного из дел о несостоятельности (банкротстве) конкурсный управляющий должника обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными сделками перечислений денежных средств, совершенных должником в адрес займодавца в счет исполнения обязательств заемщика по ранее заключенным с этим лицом договорам займа, и применении последствий их недействительности.

Частично удовлетворив заявление, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что возврат заемных сумм осуществлен в период неплатежеспособности должника в пользу аффилированного к нему лица; суды посчитали, что в результате спорных перечислений причинен вред имущественным правам кредиторов должника, так как активы последнего уменьшились.

Между тем, судебные инстанции не учли, что ранее конкурсному управляющему было отказано в признании недействительными договоров займа, во исполнение обязательств по которым должник перечислил аффилированному лицу спорную сумму. Возврат займодавцу денежных средств, полученных по реальным сделкам, с учетом положений статьи 310 Гражданского кодекса Российской Федерации, не может расцениваться в качестве причинения вреда имущественным правам кредиторов должника.

Суд округа заключил, что в отсутствие факта причинения вреда кредиторам должника в результате возврата денежных средств займодавцу у судов первой и апелляционной инстанций не было оснований для признания спорных перечислений недействительными; кассационный суд отменил судебные акты нижестоящих судов в обжалованной части и отказал в признании спорных перечислений недействительными¹.

В рамках другого дела о несостоятельности (банкротстве) конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными сделками перечислений денежных средств со счета должника в пользу индивидуального предпринимателя и применении последствий их недействительности.

Удовлетворив заявление, суды первой и апелляционной инстанций исходили из того, что спорные перечисления осуществлены в период неплатежеспособности должника в пользу аффилированного к нему лица; в результате совершения данных перечислений причинен вред имущественным правам кредиторов должника, так как активы последнего уменьшились.

Однако, судебные инстанции не учли доводы индивидуального предпринимателя о том, что спорные денежные средства перечислены ему во исполнение заключенных с должником договоров поставки пластмассовых изделий.

В этой связи, суд округа отменил обжалованные судебные акты и направил обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав, что уплата должником индивидуальному предпринимателю денежных средств за приобретенный товар, с учетом положений статьи 310 Гражданского кодекса Российской Федерации, не может расцениваться в качестве причинения вреда конкурсной массе должника².

¹Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.12.2019 по делу № А79-5296/2017

²Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.12.2019 по делу № А38-11192/2016

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 17.04.2020 № 301-ЭС20-3663 конкурсному управляющему отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

2. Недоказанность наличия у должника признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества на момент совершения сделки (как одной из составляющих презумпции цели причинения вреда при оспаривании сделки по основанию пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве) не исключает возможность квалификации такой сделки в качестве подозрительной. Цель причинения вреда имущественным правам кредиторов может быть доказана и иным путем, в том числе на общих основаниях.

Верховный Суд Российской Федерации неоднократно высказывал правовую позицию, согласно которой недоказанность факта наличия у должника признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества на момент совершения сделки (как одной из составляющих презумпции цели причинения вреда при оспаривании сделки по основанию пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве) не исключает возможность квалификации такой сделки в качестве подозрительной. Цель причинения вреда имущественным правам кредиторов может быть доказана и иным путем, в том числе на общих основаниях (статьи 9 и 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Заявитель может доказать наличие обстоятельств, которые в своей совокупности будут указывать на целенаправленные действия по выводу активов из имущественной сферы должника в отсутствие равноценного встречного предоставления, то есть наличие достаточных оснований для квалификации действий сторон как направленных на причинение вреда кредиторам и для признания оспариваемой сделки подозрительной по правилам пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве (определения от 01.10.2020 № 305-ЭС19-20861(4) по делу № А40-158539/2016, от 30.05.2019 № 305-ЭС19-924(1,2) по делу № А41-97272/2015).

В рамках одного из дел о несостоятельности (банкротстве) конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным договора купли-продажи акций, заключенного должником и контрагентом, и применении последствий недействительности сделки.

Удовлетворив заявление, суд первой инстанции исходил из того, что совершение оспоренной сделки причинило вред имущественным правам кредиторов должника, так как акции были отчуждены по нерыночной цене заинтересованному по отношению к должнику лицу. При этом, суд признал несостоятельными доводы конкурсного управляющего о наличии у должника на дату совершения оспоренной сделки признаков неплатежеспособности. Наряду с этими обстоятельствами суд заключил о наличии объективных доказательств, свидетельствующих о намерении сторон спорного договора причинить вред кредиторам должника путем вывода его активов. Суд учел, что в реестр требований кредиторов должника включена задолженность перед рядом лиц по договорам займа; несмотря на то, что срок исполнения обязательств перед названными лицами на дату совершения спорной сделки не наступил, денежные средства по договорам займа предоставлялись должнику на условиях возвратности.

Приняв во внимание факты нахождения должника в процедуре банкротства и отсутствия у него активов, достаточных для погашения задолженности, включенной в реестр, суд первой инстанции заключил, что кредиторам причинен ущерб оспоренной сделкой, в результате которой отчуждено имущество должника по многократно заниженной цене.

Суд апелляционной инстанции, отменив определение суда первой инстанции и отказав в удовлетворении заявления конкурсного управляющего, исходил единственно из отсутствия доказательств наличия у должника признаков неплатежеспособности на дату совершения оспоренной сделки.

Отменив постановление апелляционного суда и оставив в силе определение суда первой инстанции, суд округа руководствовался тем, что апелляционный суд не опроверг иные выводы суда первой инстанции, положенные в основу принятого им судебного акта, и не учел разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, которыми в настоящем случае правомерно руководствовался суд первой инстанции³.

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 19.03.2021 № 301-ЭС21-2371(1,2) отказано в передаче кассационных жалоб на определение суда первой инстанции и постановление суда округа для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

В рамках другого дела о несостоятельности (банкротстве) конкурсный кредитор обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным договора купли-продажи транспортного средства, заключенного должником и контрагентом, и применении последствий недействительности сделки.

Требование заявлено на основании пунктов 1 и 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Отказав в удовлетворении заявления, суд первой инстанции исходил из того, что оспоренный договор совершен более чем за год до принятия судом заявления о признании должника банкротства, а потому не может быть признан недействительным на основании пункта 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве. Правовые основания для признания сделки недействительной по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве также отсутствуют ввиду недоказанности противоправной цели сделки – на момент ее совершения у должника отсутствовали признаки неплатежеспособности.

Апелляционный суд, с выводами которого согласился суд кассационной инстанции, отменил определение суда первой инстанции и удовлетворил заявленные требования.

Суд апелляционной инстанции установил, что на дату совершения сделки у должника имелись значительные заемные обязательства перед кредиторами; в данных условиях должник передал контрагенту транспортное средство по договору фактически безвозмездно (за 1000 рублей при рыночной стоимости автомобиля 440 000 рублей); контрагент не произвел оплату даже в размере 1000 рублей; в результате совершения оспоренной сделки должник стал отвечать признакам неплатежеспособности (недостаточности) имущества. Констатировав, что контрагент по спорной сделке являлся учредителем крупного партнера должника, а также указав, что безвозмездная передача коммерческой организацией своего имущества третьему лицу противоречит целям деятельности такой организации и принятому поведению участников хозяйственного оборота, апелляционный суд заключил об осведомленности контрагента о противоправной цели сделки, отметив, что он, проявляя обычную степень осмотрительности, должен был

³Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.12.2020 по делу № А29-14142/2018

принять дополнительные меры, направленные на проверку обстоятельств, при которых должник совершал столь сомнительную сделку.

Суд округа отклонил довод заявителя кассационной жалобы о том, что на момент совершения договора купли-продажи должник не отвечал признакам неплатежеспособности, как не имеющий в данном случае правового значения. Заключение оспоренного договора в условиях наличия у должника значительных обязательств и безвозмездное отчуждение должником ликвидного имущества в своей совокупности являются обстоятельствами, достаточными для определения того, что у должника имелась цель причинения вреда имущественным правам кредиторов в результате совершения этой сделки⁴.

3. У временного управляющего отсутствует право на подачу заявления об оспаривании сделки должника по основаниям, не связанным с нарушением должником требований, установленных статьями 63 и 64 Закона о банкротстве.

В рамках одного из дел о несостоятельности (банкротстве) временный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным договора займа, заключенного должником и контрагентом, и применении последствий его недействительности. Требования временного управляющего были мотивированны общими нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (статья 170).

Суд первой инстанции, рассмотрев заявление по существу и отказав в его удовлетворении, пришел к выводу об отсутствии у договора займа признаков притворности.

Апелляционный суд, с выводами которого согласился суд округа, отменил определение суда первой инстанции и оставил заявление без рассмотрения по причине отсутствия у временного управляющего полномочий на его подачу.

Суд апелляционной инстанции правомерно руководствовался абзацем 2 пункта 1 статьи 66 Закона о банкротстве, согласно которому временный управляющий вправе предъявлять в арбитражный суд от своего имени требования о признании недействительными сделок и решений, а также требования о применении последствий недействительности ничтожных сделок, заключенных или исполненных должником с нарушением требований, установленных статьями 63 и 64 настоящего федерального закона, то есть сделок, совершенных в период наблюдения.

Установив, что оспоренная сделка совершена до введения в отношении должника процедуры наблюдения, приведенные временным управляющим основания недействительности договора займа не связаны с последствиями или нарушениями запретов, обусловленными введением процедуры наблюдения, апелляционный суд обоснованно оставил заявление без рассмотрения⁵.

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 22.03.2021 № 301-ЭС21-1799 отказано в передаче кассационной жалобы на постановления апелляционного суда и суда округа для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Аналогичного подхода придерживается Арбитражный суд Московского округа⁶.

⁴Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.03.2020 по делу № А43-10186/2018

⁵Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.12.2020 по делу № А28-8284/2018

⁶Постановления Арбитражного суда Московского округа от 17.09.2020 по делу № А40-66877/2019 и от 13.08.2020 по делу № А41-21254/2016

Противоположную позицию занимает Арбитражный суд Западно-Сибирского округа, который руководствуется тем, что наличие специальных механизмов для оспаривания сделок, предусмотренных статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве, не может препятствовать оспариванию сделок, совершенных в ущерб кредиторам, на основании статей 10 и 170 Гражданского кодекса Российской Федерации до введения процедур внешнего управления или конкурсного производства; при этом, таким правом наделен и временный управляющий, основными задачами которого являются принятие мер по обеспечению сохранности имущества должника, защита прав и законных интересов последнего и его кредиторов⁷.

Данный подход излагается Арбитражным судом Западно-Сибирского округа со ссылкой на определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.08.2017 № 305-ЭС17-10214 по делу № А40-93410/201, которым отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации. В названном определении сформулирован вывод о том, что положения статьи 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о праве на обращение в арбитражный суд, действующие во взаимосвязи с иными нормами Кодекса и Закона о банкротстве (в частности, пунктом 1 статьи 61.8, согласно которому заявление об оспаривании сделки должника подается в арбитражный суд, рассматривающий дело о банкротстве должника, и подлежит рассмотрению в деле о банкротстве должника) и с учетом разъяснений, содержащихся в пункте 17 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», дают право временному управляющему на подачу заявления об оспаривании сделки по общим основаниям в рамках дела о банкротстве. Кассационная жалоба не была передана на рассмотрение в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам лишь по причине того, что впоследствии судом в рамках настоящего дела рассмотрено требование арбитражного управляющего об оспаривании тех же сделок, в том числе по основаниям статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Арбитражный суд Волго-Вятского округа полагает, что данный вопрос требует разъяснения со стороны Верховного Суда Российской Федерации для установления четкой определенности при рассмотрении аналогичных споров.

4. При оспаривании сделки на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве денежные и неденежные требования к должнику не могут конкурировать друг с другом и быть противопоставленными.

В рамках одного из дел о несостоятельности (банкротстве) конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительной сделкой передаточного акта, которым была оформлена передача должником администрации города квартиры, и применении последствий недействительности сделки.

Суды двух инстанций отказали в удовлетворении заявления, не усмотрев предпочтительного удовлетворения требования администрации к должнику о передаче жилого помещения по отношению к требованиям иных кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов должника.

⁷Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.04.2021 по делу № А81-162/2020

Обратившись с кассационной жалобой в окружной суд, конкурсный управляющий приводил доводы о том, что на момент подписания спорного передаточного акта должника имелись иные неисполненные требования перед кредиторами, которые возникли до его подписания; оспоренная сделка привела к изменению очередности удовлетворения требований кредиторов по обязательствам, возникшим до ее совершения, следовательно, не требуется доказывать факт осведомленности администрации о неплатежеспособности должника; спорная квартира передана администрации с существенным нарушением сроков, предусмотренных контрактом, поэтому такая передача не может быть расценена в качестве совершенной в рамках обычной хозяйственной деятельности должника.

Отказав в удовлетворении заявления конкурсного управляющего, суды двух инстанций правомерно квалифицировали требование администрации к должнику в качестве неденежного.

Из разъяснений, содержащихся в пункте 34 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», следует, что возникшие до возбуждения дела о банкротстве требования кредиторов по неденежным обязательствам имущественного характера (о передаче имущества в собственность, выполнении работ и оказании услуг) подлежат трансформации в денежные только в процедуре конкурсного производства.

В то же время, требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, за исключением текущих платежей, могут быть предъявлены к должнику с даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения только с соблюдением установленного Законом о банкротстве порядка предъявления требований к должнику.

Суды установили, что требование администрации о передаче жилого помещения возникло до возбуждения дела о банкротстве должника; оспоренный передаточный акт также совершен до указанной даты. Таким образом, у должника не имелось препятствий к исполнению неденежных договорных обязательств перед администрацией, несмотря на наличие у него иных неисполненных денежных обязательств перед другими кредиторами, так как названные требования имеют различную правовую природу; предусмотренный Законом о банкротстве порядок их предъявления не идентичен, следовательно, названные требования не могут конкурировать друг с другом и быть противопоставленными при оспаривании сделки на основании статьи 61.3 Закона о банкротстве. Право на оспаривание сделки в материальном смысле возникает только тогда, когда сделкой нарушается баланс интересов кредиторов должника, и одни из кредиторов получают то, на что справедливо рассчитывали другие.

Суды двух инстанций правомерно исходили из того, что между должником и администрацией фактически сложились правоотношения застройщика и участника строительства; в случае, если бы спорная квартира не была передана администрации по акту до возбуждения дела о несостоятельности должника, то банкротство последнего осуществлялось бы с применением специальных правил, предусмотренных параграфом 7 главы IX Закона о банкротстве («Банкротство застройщиков»). В этом случае, как обоснованно отметили суды, требования иных кредиторов, на которые ссылался конкурсный управляющий в подтверждение своей позиции о преимущественном удовлетворении требований Администрации, подлежали бы погашению в составе

четвертой очереди реестра и не могли бы конкурировать с требованиями о передаче жилых помещений⁸.

5. В случае отчуждения имущества должника в результате последовательного заключения договоров с разным субъектным составом, может иметь место ситуация, когда такой цепочкой сделок прикрывается сделка, направленная на прямое отчуждение имущества должником последнему покупателю. Для констатации притворности сделок, по которым передается имущество должника, существенное значение имеют обстоятельства, касающиеся перехода фактического контроля над этим имуществом.

Права должника на истребование имущества из владения конечного приобретателя подлежат защите путем оспаривания сделок в рамках дела о банкротстве, а не путем предъявления виндикационного иска в общеисковом порядке.

Согласно пункту 2 статьи 170 Гражданского кодекса притворная сделка, то есть сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях, ничтожна. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, с учетом существа и содержания сделки применяются относящиеся к ней правила.

Действующее законодательство исходит из того, что прикрываемая сделка также может быть признана недействительной по основаниям, установленным Гражданским кодексом или специальными законами.

Как разъяснено в абзаце первом пункта 87, абзаце первом пункта 88 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», притворная сделка может прикрывать сделку с иным субъектным составом; для прикрытия сделки может быть совершено несколько сделок.

В рамках одного из дел о несостоятельности (банкротстве) конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными трех последовательно заключенных договоров купли-продажи, направленных на отчуждение недвижимого имущества должника, и применении последствий их недействительности в виде возвращения данного имущества в конкурсную массу.

Требование заявлено на основании статей 10, 168 и 170 Гражданского кодекса Российской Федерации и мотивировано тем, что должник является аффилированным по отношению к участникам сделок лицом; договоры представляют собой цепочку сделок, направленных на вывод единственного ликвидного актива должника по заниженной цене.

Отказав в удовлетворении заявления, суд первой инстанции исходил из того, что первые две из оспоренных сделок заключены более чем за три года до возбуждения дела о банкротстве должника, а потому не могут быть признаны недействительными по специальным основаниям, предусмотренным в пункте 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве; третий договор купли-продажи совершен без участия должника, что исключает возможность его оспаривания в самостоятельном порядке (отдельно от предыдущих сделок); суд отклонил ссылку заявителя на статьи 10 и 168 Гражданского кодекса

⁸Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.09.2020 по делу № А43-24507/2018

Российской Федерации, посчитав, что конкурсным управляющим не приведены доводы о наличии у сделок пороков, выходящих за пределы дефектов подозрительных сделок.

Суд апелляционной инстанции, с выводами которого согласился окружной суд, отменил определение суда первой инстанции и признал недействительной, как единую, сделку, оформленную тремя последовательными договорами купли-продажи; обязал конечного приобретателя имущества возвратить спорный объект в конкурсную массу должника. Апелляционный суд, напротив, счел возможным применить к спорным правоотношениям статьи 10, 168 и 170 Гражданского кодекса Российской Федерации, указав, что сделки имеют пороки, выходящие за пределы пороков подозрительных сделок.

Суд апелляционной инстанции учел, что имущество реализовано по цене, значительно ниже рыночной; первые два договора купли-продажи имели транзитный характер и фактически были направлены на отчуждение должником объекта недвижимости с помощью формально добросовестного (независимого) приобретателя заинтересованному (аффилированному) лицу по цепочке сделок в течение непродолжительного периода времени; лицо, являвшееся промежуточным покупателем, не имело намерения как-либо использовать спорный объект недвижимости; последний фактически не выбывал из владения должника⁹.

В рамках другого дела о несостоятельности (банкротстве) гражданина финансовый управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными договоров дарения недвижимого имущества, заключенных должником и его внуком, и договоров купли-продажи этого же имущества, впоследствии заключенных внуком должника и третьим лицом, и о применении последствий недействительности сделок в виде возврата в конкурсную массу должника спорного имущества, находящегося во владении третьего лица.

Требования финансового управляющего были основаны на пункте 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве и статьях 10, 168 и 170 Гражданского кодекса Российской Федерации и мотивированы тем, что оспоренные договоры носят характер последовательных взаимосвязанных сделок, направленных на вывод имущества из собственности должника, совершенных при злоупотреблении сторонами правом в ущерб имущественным интересам кредиторов.

Суды первой и апелляционной инстанций, с выводами которых согласился окружной суд, удовлетворили заявление.

Суды исходили из того, что на дату заключения договоров дарения с внуком должник обладал признаками неплатежеспособности; одаряемый является в силу пункта 3 статьи 19 Закона о банкротстве заинтересованным по отношению к должнику лицом, его осведомленность о реальном финансовом положении должника и о причинении совершенными сделками вреда имущественным правам кредиторов презюмируется; заключение договоров дарения с заинтересованным лицом привело к безвозмездному выбытию из собственности должника ликвидного имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, вследствие чего кредиторы утратили возможность получить удовлетворение своих требований за счет этого имущества. Заключенные в последующем внуком должника договоры купли-продажи подаренного ему недвижимого имущества с третьим лицом суды признали безвозмездными, поскольку в материалы дела не представлены доказательства исполнения третьим лицом обязательств по оплате приобретенного имущества и наличия у него для этого финансовой возможности.

⁹Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23.03.2021 по делу № А29-13967/2019

Суды пришли к выводу о том, что договоры дарения и договоры купли-продажи недвижимого имущества составляют цепочку из последовательных взаимосвязанных сделок по выводу ликвидных активов из собственности должника во избежание обращения на них взыскания в целях удовлетворения требований кредиторов; спорные сделки имеют притворный характер и прикрывают единую сделку по безвозмездному отчуждению имущества из собственности должника в пользу третьего лица, признанного судами фактически аффилированным по отношению к должнику.

При подаче кассационной жалобы третье лицо приводило доводы о том, что спорное недвижимое имущество подлежало истребованию у него как у добросовестного приобретателя исключительно посредством предъявления виндикационного иска по правилам статей 301 и 302 Гражданского кодекса Российской Федерации; в связи с тем, что конечным приобретателем имущества является физическое лицо, иск об истребовании имущества подлежал рассмотрению в суде общей юрисдикции.

Суд округа отклонил данный довод, руководствуясь правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации, приведенной в определении от 31.07.2017 № 305-ЭС15-11230 по делу № А40-125977/2013.

Ввиду того, что оспоренные договоры являются взаимосвязанными сделками, прикрывающими единую сделку по отчуждению должником имущества, вопрос о недействительности указанных договоров и о применении последствий их недействительности в виде возврата выбывшего имущества в конкурсную массу должника подлежит рассмотрению в рамках дела о банкротстве должника, путем подачи заявления об оспаривании сделок. Должник является стороной сделок, по которым имущество выбыло из его владения и поступило в собственность конечного приобретателя, поэтому права должника на истребование имущества из его владения подлежат защите с использованием правового механизма, установленного пунктами 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации, а не путем удовлетворения виндикационного иска. Споры же о признании недействительными сделок, совершенных несостоятельными должниками в преддверии банкротства, и о применении последствий их недействительности отнесены к компетенции арбитражных судов, рассматривающих дела о банкротстве (пункт 1 статьи 61.8 Закона о банкротстве)¹⁰.

6. В случае расторжения судом мирового соглашения, заключенного между должником и его кредиторами в рамках дела о несостоятельности (банкротстве), сроки подозрительности для оспаривания сделок по специальным основаниям Закона о банкротстве подлежат исчислению с даты расторжения судом мирового соглашения.

В рамках одного из дел о несостоятельности (банкротстве) конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительной сделкой отчуждение должником в пользу контрагента своего имущества и применении последствий недействительности сделки.

Суды двух инстанций сочли требование подлежащим удовлетворению в соответствии со статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве.

Удовлетворив заявление конкурсного управляющего по основанию, предусмотренному пунктом 3 статьи 61.3 Закона о банкротстве, суды двух инстанций

¹⁰Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 08.02.2021 по делу № А43-35519/2017

исходили, среди прочего, из того, что оспоренный договор заключен в период шестимесячного срока подозрительности, предусмотренного названной нормой; при этом, датой, с которой связан отсчет срока подозрительности, суды признали дату принятия арбитражным судом заявления конкурсных кредиторов о расторжении мирового соглашения, ранее заключенного в рамках дела о банкротстве должника.

Суд округа не согласился с указанным подходом к исчислению сроков подозрительности.

В статье 61.3 Закона о банкротстве законодатель связывает дату отсчета срока подозрительности с датой принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом. С этой же датой связана квалификация требования кредитора к должнику в качестве текущего или реестрового в зависимости от даты его возникновения относительно даты возбуждения дела о банкротстве должника (пункт 1 статьи 5 Закона о банкротстве).

По смыслу пункта 58 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15.12.2004 № 29 «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не признаются текущими требования к должнику, возникшие в период после прекращения производства по делу о банкротстве в связи с утверждением мирового соглашения до его расторжения.

Из системного толкования норм Закона о банкротстве и разъяснений высшей судебной инстанции следует, что срок подозрительности, предусмотренный статьей 61.3 названного Закона, подлежит исчислению с даты расторжения судом мирового соглашения.

Оспоренная сделка была заключена за пределами шестимесячного срока, предшествовавшего расторжению мирового соглашения, в связи с чем у судов не было правовых оснований для признания ее недействительной по статье 61.3 Закона о банкротстве¹¹.

7. Заявление об оспаривании сделки должника на основании статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть удовлетворено только в случае доказанности наличия в сделке пороков, выходящих за пределы подозрительной сделки (статья 61.2 Закона о банкротстве).

По общему правилу сделка, совершенная исключительно с намерением причинить вред другому лицу, является злоупотреблением правом и квалифицируется как недействительная по статьям 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации. В равной степени такая квалификация недобросовестного поведения применима и к нарушениям, допущенным должником-банкротом в отношении своих кредиторов, в частности, к сделкам по отчуждению по заведомо заниженной цене имущества должника третьим лицам, направленным на уменьшение конкурсной массы.

В то же время, законодательством о банкротстве установлены специальные основания для оспаривания сделки, совершенной должником-банкротом в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов. Такая сделка оспорима и может быть признана арбитражным судом недействительной по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, в котором указаны признаки, подлежащие установлению (противоправная цель, причинение вреда имущественным правам кредиторов, осведомленность другой

¹¹Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.02.2020 по делу № А11-1836/2013

стороны об указанной цели должника к моменту совершения сделки), а также презумпции, выравнивающие процессуальные возможности сторон обособленного спора. Баланс интересов должника, его контрагента по сделке и кредиторов должника, а также стабильность гражданского оборота достигаются определением критериев подозрительности сделки и установлением ретроспективного периода глубины ее проверки, составляющего в данном случае три года, предшествовавших дате принятия заявления о признании должника банкротом. Тем же целям служит годичный срок исковой давности, исчисляемый со дня реальной или потенциальной осведомленности заявителя об обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной.

Таким образом, законодательство пресекает возможность извлечения сторонами сделки, причиняющей вред, преимуществ из их недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации), однако наличие схожих по признакам составов правонарушения не говорит о том, что совокупность одних и тех же обстоятельств (признаков) может быть квалифицирована как по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, так и по статьям 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации. Определенная совокупность признаков выделена в самостоятельный состав правонарушения, предусмотренный пунктом 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве (подозрительная сделка), поэтому квалификация сделки, причиняющей вред, по статьям 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации возможна только в случае выхода обстоятельств ее совершения за рамки признаков подозрительной сделки. В противном случае, оспаривание сделки по статьям 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации по тем же основаниям, что и в пункте 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, открывает возможность для обхода сокращенного срока исковой давности, установленного для оспоримых сделок, и периода подозрительности, что явно не соответствует воле законодателя.

В силу изложенного, заявление об оспаривании сделки должника на основании статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть удовлетворено только в том случае, если доказано наличие в сделке пороков, выходящих за пределы подозрительной сделки. В отношении данного подхода сформирована устойчивая судебная практика (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.06.2014 № 10044/11 по делу № А32-26991/2009, определения Верховного Суда Российской Федерации от 28.04.2016 № 306-ЭС15-20034, от 29.04.2016 № 304-ЭС15-20061, от 31.08.2017 № 305-ЭС17-4886).

В рамках одного из дел о несостоятельности (банкротстве) конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными сделками перечислений со счета должника денежных средств в адрес его бывшего директора и применении последствий их недействительности.

Суды первой и апелляционной инстанций удовлетворили заявление на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве, статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Отменив судебные акты нижестоящих судов, окружной суд исходил из обоснованности аргументов кассатора о пропуске конкурсным управляющим годичного срока исковой давности для оспаривания сделок по специальным основаниям Закона о банкротстве.

В обоснование вывода о недействительности перечислений в силу статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации суды указали на то, что перечисления

совершены в пользу заинтересованного по отношению к должнику лица в отсутствие с его стороны встречного равноценного предоставления.

Между тем, такие действия не могут быть признаны ничтожными, поскольку они являются оспоримыми и на них распространяется годичный срок исковой давности, установленный пунктом 2 статьи 181 Гражданского кодекса Российской Федерации. На наличие в сделках пороков, выходящими за пределы дефектов подозрительных сделок, конкурсный управляющий не ссылался и, как следствие, они не были установлены судами. Доводы конкурсного управляющего о необходимости применения к подозрительным сделкам, не имеющим других недостатков, общих положений о ничтожности, по сути, направлены на обход правил о сроке исковой давности по оспоримым сделкам, что недопустимо.

С учетом изложенного, у судов не имелось оснований для признания оспоренных перечислений недействительными в соответствии со статьями 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации. В этой связи, суд кассационной инстанции отказал в удовлетворении требований в полном объеме¹².

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 26.03.2021 № 301-ЭС20-7628 (3) отказано в передаче кассационной жалобы на постановление суда округа для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

В рамках другого дела о несостоятельности (банкротстве) внешний управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными трех дополнительных соглашений о внесении изменений в договор аренды имущества, заключенный должником и контрагентом, и применении последствий недействительности сделок.

Суд первой инстанции частично удовлетворил заявление: признал недействительными на основании пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве два из трех оспоренных дополнительных соглашений к договору аренды и применил последствия их недействительности в виде восстановления положения сторон, существовавшего до их подписания; в удовлетворении остальной части требований отказал.

Апелляционный суд изменил определение суда первой инстанции и признал указанные два дополнительных соглашения к договору аренды недействительными (ничтожными) сделками на основании статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации в части установления нерыночной арендной платы; признал за должником право на излишне уплаченные суммы за период действия дополнительных соглашений; в остальной части определение суда первой инстанции оставил без изменения.

Отменив постановление суда апелляционной инстанции в части признаний недействительными сделок на основании статей 10 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации и отказав в удовлетворении требований в указанной части, окружной суд исходил из того, что подписание должником соглашений о существенном увеличении арендной платы в течение трех лет до принятия судом заявления о признании его несостоятельным (банкротом) в ситуации, когда предполагалось, что другая сторона сделки знала или должна была знать о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества должника, являются основанием для признания соответствующей сделки недействительной по пункту 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве.

¹²Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 10.12.2020 по делу № А43-26938/2017

Кроме того, квалификация действий сторон как совершенных со злоупотреблением правом при заключении сделок, по сути, означает установление их сговора на заключение дополнительных соглашений с единственной целью – причинение вреда должнику и его кредиторам, что не следовало из материалов приведенного дела, в котором отсутствовало документальное подтверждение злонамеренного поведения сторон, их заинтересованности либо аффилированности сторон на момент совершения сделок. Напротив, в материалах дела имелась письменная позиция контрагента, содержащая фактическое и арифметическое обоснование необходимости повышения арендной платы до указанных размеров, которая не получила оценки апелляционного суда. Внешний управляющий не опроверг презумпцию добросовестного осуществления сторонами гражданских прав (пункт 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации).

При таких обстоятельствах, апелляционный суд необоснованно применил к подозрительным сделкам, не имеющим других недостатков, общие положения о ничтожности сделок (злоупотреблении правом)¹³.

¹³Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.03.2020 по делу № А82-13911/2015